

Без самых полных знаний вы не сумеете
Успешно внедрить шпиона.
Без гуманности и справедливости вы не сумеете
Выслать вперед разведчиков.
Без верного чутья и без пытливого ума
Вы не сумеете правильно оценить сведения,
вами полученные.
Чувствительность! Чувствительность!

*Сунь Цзы, китайский генерал, IV век до н. э.
«Искусство войны»*

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — рискованное предприятие. Я возглавлял успешно работавшую разведку и был превращен в некий символ, а потому должен считаться с высокими ожиданиями читателей.

Одни ожидают увидеть перед собой энциклопедию второй древнейшей профессии, другие — нечто вроде сюжета фильма о Джеймсе Бонде или шпионского триллера. Вот только герои таких фильмов и книг имеют с реальными представителями разведслужб не больше общего, чем сказочные зверюшки Уолта Диснея — с настоящими животными, населяющими леса, степи и саванны. В действительности нервы шефа разведки напряжены куда сильнее, чем у героев фильмов, и акции, сигнал к проведению которых он дает, происходят в идеальном случае бесшумно и в значительной степени незаметно.

Для какого читателя выбираю я то, о чем стоит рассказать, из множества воспоминаний и мыслей, которые и составляли мою повседневность? Кое-что, вызывавшее сильнейшее волнение много лет назад, после проверки временем представляется почти банальным. И наоборот, часто только в ретроспективном взгляде информация и события, казавшиеся обыденными,

а с ними и люди, которые многое ставили на карту, обретают свое истинное значение.

Участники событий, о которых идет речь в моей книге, большей частью еще живы. Эти люди вызывали и вызывают во мне особый интерес. Привлекательность работы для меня заключалась не в бумагах, ежедневно скапливавшихся на письменном столе, а во встречах с людьми, которых совершенно разные причины побудили заняться их опасным делом, в знакомстве со столь несхожими характерами. Моральная ответственность по отношению к этим людям у меня сохраняется. Многим из них еще угрожает судебное разбирательство, под угрозой само существование некоторых из них в качестве обычных граждан. Другие, отбыв заключение, начали жизнь заново. Все это мне пришлось учитывать в воспоминаниях. Поэтому я прошу читателей отнестись с пониманием, когда не будут названы многие имена, когда в ряде случаев будет проявлена сдержанность, а кое-что вообще обойдено молчанием.

Успехами службы, которую я возглавлял, были отмечены наиболее острые моменты в истории холодной войны. Это время сформировало по обе стороны резкие образы непримиримых врагов. Видя в нашем противнике «империалистического агрессора», мы сами воплощали для миллионов людей по ту сторону «империю зла». Стереотипы, складывавшиеся десятилетиями, продолжают действовать и теперь. В то же время в сознании многих годы ожесточенной холодной войны слишком быстро ушли в прошлое. Нелегко рассказывать историю этого времени, пережитого мною, так, чтобы ее поняли и по ту сторону исчезнувшего «железного занавеса».

И наконец, могло бы показаться самонадеянным намерение писать об успехах не существующей теперь разведки, да еще после столь плачевной ликвидации государства, которому она служила. Но вызов, брошенный мне, заключается как раз в крахе всей системы, в которую была включена моя страна. Каковы причины случившегося, когда и в чем они проявились?

Примерно за десять лет до поворота, происшедшего осенью 1989 года, меня охватили беспокойство и стремление поразмышлять о симптомах и причинах все явственнее проступавшей болезни системы, которую мы считали социализмом. Я начал пи-

сать, еще веря в возможность лечения. Поэтому в 1983 году подал рапорт о выходе на пенсию, и с тех пор эта книга живет во мне.

Я пытался рассказать о том, что было, не приукрашивая факты. Пусть читатели, критики и историки проверят, подтвердят или оспорят их. В объединенной Германии при осмыслении истории предпринимались и будут предприниматься попытки сводить счеты, чтобы в конце концов осталась только одна точка зрения. Но я считаю, что после провозглашенного окончания холодной войны следует произвести инвентаризацию по обе стороны бывших фронтов и что история, заслуживающая этого названия, не может быть написана только лишь победителями.

Историю можно понять только как историю пережитого. Я хотел бы своими субъективными свидетельствами способствовать именно такому пониманию этого времени — времени, полного противоречий.

ПРОЛОГ

Пришел день, в наступление которого никто из моих родных и друзей не хотел верить. Знакомые и незнакомые, старые друзья в Москве и новые друзья в Вене, французские и шведские писатели, раввин из Иерусалима и бывший руководитель «Моссада» из Тель-Авива, сенаторы и юристы из США — никто из них не был готов к тому, что я окажусь на скамье подсудимых. Никто, кроме меня.

В сопровождении жены и двух адвокатов я шел к зданию Верховного земельного суда в Дюссельдорфе, находившемуся в нескольких сотнях метров от Рейна. На башне суда распростер крылья орел — эмблема германского рейха. Среди непрерывного мелькания фотовспышек на миг появилось лицо фотографа, ставшего в известной степени летописцем бурных событий, в которых я участвовал в последние годы. Еще во времена существования ГДР он в подписи к одному снимку назвал меня «носителем надежды». Иначе выглядела подпись к его же снимку большой демонстрации протеста 4 ноября 1989 года на Александрплац в Берлине. Здесь я внезапно предстал как «генерал Штази». Так кем же меня видели теперь?

Помещение, в котором должно было состояться слушание, было тем же самым залом А 01, где та же самая коллегия по уголовным делам вела процесс Кристель и Гюнтера Гийом. Я говорю о том самом Гийоме, внедрение которого в ближайшее окружение Вилли Брандта многие еще и сегодня считают одним из моих величайших успехов, хотя это не соответствует действительности. Для проведения шоу-процесса против шпиона, «пригретого на груди канцлера», был специально оборудован зал в подвале, защищенный от подслушива-

ния. Выбор этой сцены для суда надо мной, конечно же, был не случаен.

Семь долгих месяцев, в течение которых процесс во всей своей ирреальности проходил перед моим взором подобно спектаклю, в памяти всплывали образы прошлых лет. Часто они казались мне не менее оторванными от действительности, чем представление, разыгрывавшееся в зале А 01.

Когда после четырех десятилетий разделения и враждебности два германских государства готовились к объединению, я внезапно увидел себя в роли заложника исторических событий.

Моя страна и мир социализма рухнули на моих глазах. Эта страна на протяжении сорока лет называла себя Германской Демократической Республикой и в качестве таковой себя и осознавала. Тем не менее все это время она была связана своего рода браком по принуждению с экономически могущественной Федеративной Республикой Германией.

Мое положение оказалось куда как незавидным. Пришлось раз и навсегда распрощаться со всеми упованиями на реформированную ГДР. Моя репутация «носителя надежды», приверженца Горбачёва теперь и гроша ломаного не стоила. Чтобы спастись от нараставшей истерии и иметь возможность поработать над книгой о событиях 1989 года, я уже весной 90-го пытался обрести совет и покой в Москве, городе моего детства и юности.

В Москве, где моя семья когда-то нашла убежище от преследований, грозивших ей в Третьем рейхе, всегда оставалась частица моего сердца. Дача моей сводной сестры Лены, а главное — ее прекрасная квартира в знаменитом Доме на набережной, где жили многие выдающиеся люди 30-х годов, вызывавшие наше восхищение и зачастую ставшие жертвами сталинских репрессий, властно напомнили о противоречивом и бурном времени моей юности. Взгляд на Кремль, возвышавшийся за скованной льдом Москвой-рекой, порождал чувство защищенности, а холодный зимний воздух оживлял мысль.

Конечно, в Москве мне хотелось выяснить, могли ли мои сотрудники, бывшие разведчики, работавшие на Западе, да и я сам рассчитывать на поддержку и помощь бывших коллег из КГБ, а также на поддержку и помощь Кремля. В Берлине сотрудники

всех подразделений министерства госбезопасности вновь и вновь устно и письменно рассказывали мне о своей судьбе. Множившиеся день ото дня разоблачения деяний спецслужб неизбежно раздували ненависть населения ко всем бывшим государственным чиновникам. При этом не имело значения, на каких должностях работали эти люди, так что многим моим бывшим сотрудникам все больше приходилось опасаться за саму жизнь.

После моего приезда в доме для гостей, расположенном на юго-западе Москвы, в Ясенево, поблизости от кольцевой автодороги, рядом с новым внушительным зданием Первого главного управления КГБ — центром советской разведки, меня в высшей степени сердечно принял Леонид Шебаршин, который уже после моей отставки стал ее начальником. В ходе нашего многочасового разговора, завершившегося за богато сервированным столом, я смог сообщить ему мало что нового. Берлинское представительство КГБ хорошо информировало моего собеседника. Его дружелюбие не могло обмануть меня насчет того, что какого-либо решения моих вопросов, то есть ненаказуемости как штатных сотрудников нашего ведомства на Востоке, так и секретных на Западе воссоединенной страны, можно добиться только на уровне президента. Большого я ждал от прямого контакта с Кремлем через глубокого знатока германо-советских отношений Валентина Фалина, который выдвинулся к этому времени на роль ближайшего советника Горбачёва по внешнеполитическим вопросам. С начала 80-х годов я не скрывал от него своей озабоченности развитием событий в ГДР и всегда находил в Фалине внимательного и живого собеседника.

Не впервые в жизни я попадал в ситуацию, в которой ожидал помощи от матушки-России, даже при том, что, вопреки всем слухам, после увольнения со службы в 1986 году не поддерживал контактов ни с Москвой, ни с берлинским представительством КГБ.

Во время выборов в марте 1990 года я проголосовал в посольстве ГДР в Москве. Несмотря на все предсказания, Ханса Модрова сменил на посту премьер-министра не социал-демократ Ибрахим Бёме, неизвестный до тех пор, а христианско-демократический политик Лотар де Мезьер, также ставший известным только в последнее время. Мой многолетний начальник Эрих

Мильке был арестован, а давление на моих бывших сотрудников возрастало с каждым днем. Тем не менее я решил вернуться в Берлин.

Еще оставался проблеск надежды на разум, прежде всего в позиции нашего главного союзника. Даже в самых мрачных предчувствиях я не мог представить себе, что произойдет в результате подписания договора «два плюс четыре». Несмотря на нараставшие сомнения в политических способностях Горбачёва, я долго после того, как стали известны решения, принятые в июле 1990 года в Архызе, — а согласно им территория ГДР без всяких условий включалась в НАТО — не верил и не хотел верить в то, что лидер Советского Союза, не возразив и словом, мог бросить своих ближайших друзей и союзников на произвол судьбы. Этот шаг вызвал не меньшее удивление нового друга Горбачёва Гельмута Коля и его окружения. Летом 1990 года еще нельзя было предугадать, к каким последствиям приведет такое развитие событий, но нам уже не приходилось рассчитывать на милость победителей — в лучшем случае на их политический разум.

С распродажей ГДР сотрудникам моей службы, равно как и мне, стали поступать предложения, смысл которых был прост: по возможности заполучить известные нам секреты. За это предлагалась высокая цена — свобода.

Первое предложение было полной неожиданностью. Правда, я знал, что мои бывшие противники из западногерманских служб, не жалея сил и не особенно стесняясь в выборе средств, увиваются вокруг бывших сотрудников моего аппарата. Моему зятю, который успешно внедрился в Федеральное ведомство по охране конституции, обещали амнистию и полмиллиона марок в качестве вознаграждения, если он выдаст свои источники. Он отверг это предложение и предпочел иной путь, несмотря на то что это привело его к кризису цели и смысла жизни и истощало его физические и духовные силы.

Тогда, в начале мая 1990 года, мне позвонил Петер-Михаэль Дистель, министр внутренних дел в правительстве де Мезьера, и спросил, готов ли я к беседе с ним. Мы договорились встретиться в доме для гостей министерства внутренних дел в Цойтене, юго-восточном предместье Берлина. Не вызывало сомнений,

что этот разговор мог состояться только с введома федерального министра внутренних дел Вольфганга Шойбле. Мои преемники Вернер Гроссман и Бернд Фишер информировали меня о том, что эмиссар Шойбле некий г-н Вертебах уже обосновался рядом с Дистелем в качестве наместника.

Дистель встретил меня без надменности или чванства, которые так охотно демонстрировали теперь те, кто извлек выгоду из политического поворота. Его дружеское обращение создавало атмосферу взаимного уважения и доверия. Не было ни намека на мое затруднительное положение. Министр просто хотел посоветоваться со мной о том, как можно было бы наилучшим образом снять напряженность, и прояснить ситуацию.

Собеседник пояснил, что люди Шойбле не достигли особо серьезных результатов в беседах с моими преемниками. Если мы действительно хотим сделать реальной перспективу амнистии, сначала следовало бы раскрыть по меньшей мере дюжину наших важнейших западногерманских источников. На Бонн, сказал Дистель, оказывают давление, и Шойбле теряет терпение. Рано или поздно его люди все равно добьются своего. По ходу разговора у меня лишь усиливалось впечатление, что он ждет от меня откровений, которые мог сделать только я.

Помня многократные публичные нападки тогдашнего президента Федерального ведомства по охране конституции, я счел предложение о конструктивном сотрудничестве слишком уж маловероятным, чтобы можно было ему поверить. Правда, оно последовало в тот момент, когда я был готов к любому разговору, который давал мне малейший шанс сделать хоть что-нибудь для моих людей. Все же я не хотел без нужды лезть в пасть льва... поэтому сменил тему и предложил Дистелю консультировать его по проблемам особо опасных преступлений и борьбы против терроризма.

«Г-н Вольф, — ответил министр, которому тоже надоели разговоры вокруг да около, — вы так же хорошо, как и я, знаете, что всем нам предстоит плен. Единственная возможность, которая еще осталась, — чтобы мы сами участвовали в решении вопросов, как нас разместят и как будут кормить».

Он, конечно, был прав. Различие между нами заключалось только в том, что ему, вероятно, предстояла карьера в воссоеди-